

«О, наслажденье – ходить по краю...»

Клуб авторской песни в Свердловске стал глотком свободы для поколения шестидесятников.

Сегодня жанр есть, но «протестный привкус» исчез

Лия ГИНЦЕЛЬ

Сначала о гитаре. Старенькая, со сломанной декой, дешёвая (ещё в 1960-е Евгений Горонков купил её за 25 рублей), она постоянно прописана на даче. Дома есть более новая и более дорогая. Но... обыкновенная. А та, дачная, словно бы окутана романтическим ореолом, овевая славою ушедших лет и именами, гремевшими когда-то по всей огромной стране. Визбор, Городничкий, Ким, Кукин, Клячкин... Даже от Галича осталось: «Доро...му...» — пытался написать целую фразу, да как-то оборвалось на полуслове. Собственно, дело не в автографах. Дело в том, что каждый из тех, кто оставил свою роспись, на этой гитаре играл.

И с хозяином её был знаком. Хозяин — сегодня профессор архитектурной академии, много лет назад работал в лаборатории деталей машин механического факультета УПИ, готовился к защите диссертации (вскоре успешно защищённой), звался просто Женей и заслуживал плёнами, где правдами и неправдами были записаны концерты самодельных авторов, позволявших себе тако-о-о-е...

Но я возвращаю Евгения Семёновича к гитаре. Кто же первый поставил на ней роспись? Кому пришла в голову эта идея?

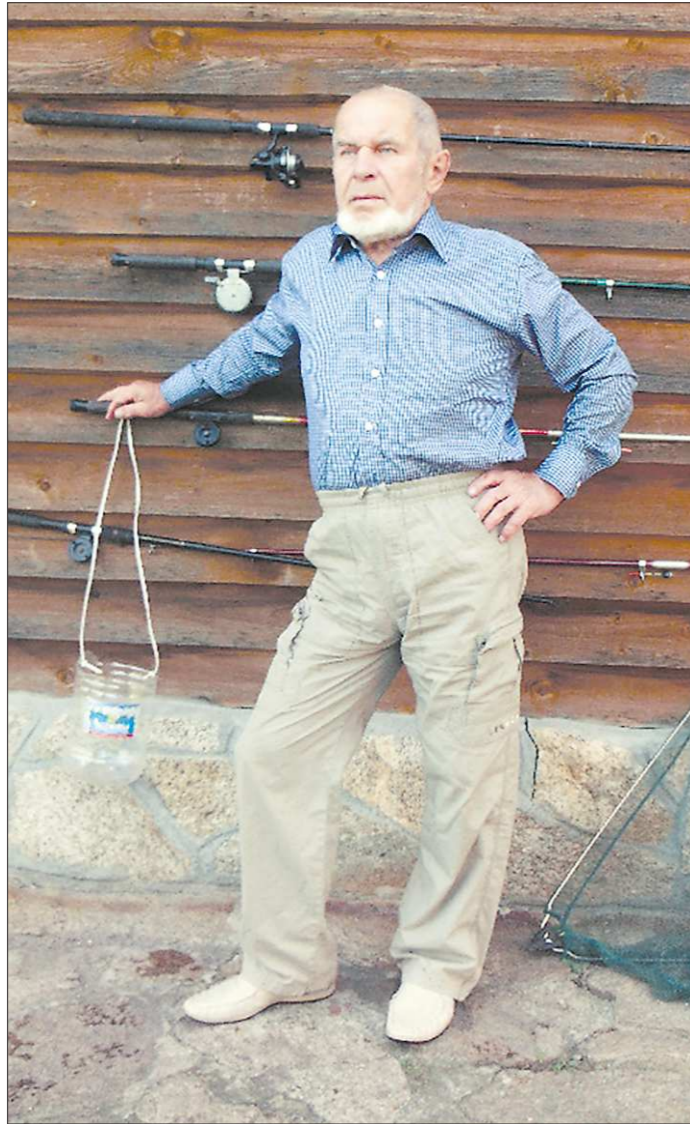
— Первый расписался Юрий Визбор. А идея моя... То есть гитары у всех были исчерканы вдоль и поперёк. Мне и подумалось: чего дурака-то валяю... Такие знаменитые люди на ней играют. А тут концерт Визбора. Он без гитары, а моя на подхвате. После концерта, уже в аэропорту, когда провожал его в Москву (в тот день мы перешли на «ты»), сунул ему ручку.

— 1967 год. К тому времени уже ярый поклонник авторской песни. А с чего всё начиналось?

— Ярым поклонником я не был. Мне просто нравился этот жанр, сильно отличающийся от официального. Песни нравились, цензурой не изуродованные. Ну да, мы видели недостатки окружающего мира, но молчали. А Галич, например, спел «Облака», «Товарищ Парамонов» — каждая песня тянула на острую публицистическую статью. Это было неожиданно, здорово, переворачивало сознание. Казалось, вот настоящая жизнь, настоящее искусство, то, что достойно внимания. А начиналось всё... Однажды в нашу лабораторию заглянул доцент радиофака Владимир Попов и предложил послушать плёнку, привезённую из Москвы, с концерта Юрия Визбора. Визбор был гигантом — голос, тембр, обаяние... Да и неприкрытая антисоветскость заворожила. Мы думали: «Мать честная, да разве такое возможно...» К слову, галичевскую «Товарищ Парамонов» он тоже тогда исполнил, сокрушённо заметил: «Песня-роль. К сожалению, не я автор». Потрясающе исполнил. Получился настоящий эстрадный номер. Так удалось вжиться в образ идеологического полудурачка. Наши запялки.

— Сейчас свердловские шестидесятники как легенду рассказывают историю со снятием с самолёта Юрия Визбора. А из зала, как говорится, точнее поётся, «кричат — давай подробности».

— При УПИ уже действовал созданный нами клуб самодельной песни. Юра Чечулин был председателем. Меня же прозвали вождем. А с Юрием Визбором, действительно, связана целая история. Однажды в Москве — были там в командировке — мы отправились в радиокомитет, нашли Юрия Иосифовича, сказали: «Привет! У нас клуб, ждём вас с концертом». Он руками развёл, посоветовал: «Ребята, всё расписано по дням и часам».

Евгений Горонков на даче в Шишах. Здесь часто звучит гитара

ДОСЬЕ «ОГ»

Евгений Семёнович ГОРОНКОВ
Родился 1 февраля 1931 года в городе Нязепетровске Челябинской области.
1948–1953 — учёба на механическом факультете Уральского политехнического института.
В течение 15 лет работал в родном вузе.
С 1972 — в архитектурном институте (теперь — архитектурно-художественной академии).
Профессор.

Потом подумал и добавил: «Вот разве что через две недели отправляюсь в Тюмень. Может быть, на обратном пути...» Договорились. И потом, пока он был в Тюмени, всё пытался — вполне, впрочем, безуспешно — с ним созвониться. Ему, понятное дело, было не до нас: встречи, интервью... В общем, к телефону ни разу не подошёл. Хотя мы всё равно узнали, каким рейсом он вылетает и когда будет посадка в Свердловске. К этому времени и подоспели в Кольцово. Потом Визбор жаловался, что мы сняли его с самолёта насильно, а вот Городничкий, более опытный, убежал. Они, правда, в тот момент были вдвоём. И Городничкий сказал упирающемуся Визбору: «Обещал — выступи». Визбор сдался. Правда, триумфа в тот раз не случилось. Только в «Вечёрке» появилась заметочка в несколько строк.

— Насколько мне известно, «Зато мы делаем ракеты...» он тогда так и не спел?

— Я, кстати, тоже спросил: «Почему?». Он ответил, что два года был из-за этой песни невъездным. Посадили бы, скорее всего, уже не посадили бы, но уволить с работы могли запросто.

— Вам повезло стать участником знаменитого Новосибирского фестиваля авторской песни 1968 года. То, с которого начался закат успешной до сих пор карьеры Александра Галича. И где пробил звёздный час нашего земляка Александра Дольского. Начнём с самого фестиваля. С атмосферы.

— Новосибирский клуб для научных работников «Под интегралом» отличался откровенным свободоловием. Но опаска всё же была. Их идейный лидер Анатолий Бурштейн собрал нас накануне концерта и попросил, чтоб раньше времени в пекло не лезли и песни «с душком» не исполняли. Иначе немедленно закроют. Но Галича с Кимом тем не менее пригласили. Ким, правда, не приехал — не отпустили с работы. А свердловчан, к слову, там встретили вовсе не как дорогих гостей. Москвичи, ленинградцев поселили в гостиницу. Провинциаль-

лам предложили общежитие. Мы недовольства высказывать не стали. Подумаешь... А на второй день начались диспуты, пресс-конференции. Представитель облита (для тех, кто не знает, — цензуры) пытался выяснить, на каком основании мы собираемся исполнять со сцены песни, не получившие официального одобрения. Бурштейн доказывал, что тексты предвзвешенно смотрели и оценивали, хотя некоторые из них просто не имеют бумажного варианта. Решения запретить, к счастью, не приняли. И потом уже мы пели, что хотели.

— Чем так взял зал Дольский?

— В основном самодельные авторы играли на гитаре плохо. Дольский даже ворчал — инструмент, дескать, настроить не умеют. Он-то, в отличие от многих, окончил музучилище по классу гитары. Виртуозно ею владел. На сцене держался артистически. Манеры у него были мягкие, интеллигентные. Уровень мастерства на порядок выше прочих. Знал, между прочим, что силён в этом. Да и песни были красивые, поэтичные. Не хватало им только социальной направленности. Но единственную его остро, с подтекстом, песню — «Иван Иванович живёт в коммунизме. Имеет он всё — от «Волги» до клизмы...» пели все. И, как бы то ни было, именно на том концерте Дольского пригласили в Ленинград.

— А Галич? Почему он сделал то, что сделал?

— Да, успешный, барственный, любимец женщин. Никакой не диссидент. Ни одного правозащитного письма, в отличие от Кима, не подписал. Да и советская власть ему ничего плохого не сделала. Благодетствующий сценарист, соряющий направо и налево «бабками»... Всё у него было, и всё поставлено на карту. Мне кажется, я понимаю. И Юлий Ким считает, что понимает. Дело в музее. Конечно, он получал огромное удовлетворение от своих песен. Знал, что они яркие, талантливые, что никто не напишет лучше. А если знал, и из него, извините, «пёрло»... Как можно было сопровитивляться?

— По-вашему, он пони-

ЕВГЕНИЙ ГОРОНКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЖАНРА

Авторская песня возникла в середине XX века. Предшественником принято считать Александра Вертинского с его романсами. Но не исключено, что начало положила «Бригантина» Павла Когана. Первые песни были неприятно-туристскими, исполняемыми у костра. Со временем, однако, в них появились остроэстетические мотивы, и иносказательно, а порой и впрямую, стало обозначаться отношение авторов к окружающей действительности.

xxx

Поначалу аббревиатура КСП расшифровывалась как конкурс студенческой песни. Потом, при выборе названия, обсуждались варианты — гитарная песня, исполнительская песня, любительская песня... Остановились на самодельной песне. Клубы стали называться клубами самодельной песни, сокращённо КСП.

xxx

Особое место в авторской песне занимала тема Великой Отечественной войны. В отличие от официального, героического, подхода, самодельные авторы впервые с помощью стихов и музыки попытались осмыслить чудовищную античеловечность войны, цену, заплаченную за победу, горе, которое обрушилось на простых людей.

xxx

Наиболее крупный фестиваль авторской песни — Грушинский. Впервые прошёл в 1968 году под Самарой (тогда Куйбышев). Организован в память о студенте Куйбышевского авиационного института Валерии Грушине, который погиб, спасая тонущих детей. Пик популярности фестиваля пришёлся на конец семидесятых. В 1979-м собралось более ста тысяч человек. Но в 2000-м цифра выросла более чем вдвое, до 210 тысяч. Кстати, поочерёдно жюри Грушинского фестиваля возглавляли Александр Городничкий, Юрий Визбор, другие известные исполнители. А в числе лауреатов остались Дольский, Митяев, Вероника Долина...

Евгений Горонков (справа) с Александром Городничким, автором известной песни «Атланты держат небо...»

мал, на что идёт, исполняя «Старательский вальсок», «Закон природы» (про резонанс), другие свои песни? А те, кто предоставил ему сцену, тоже догадывались, чем рискуют?

— Кураж был. А риск, он, естественно, осознавался, но он же и подстёгивал. Это было единственное публичное выступление Галича. Да и «Под интегралом» после фestsала закрыли. Маленькая деталь: свердловский журналист Валерий Хайдаров опубликовал потом в «Насменке» положительный отклик на происходившее в Новосибирске. И тоже стал единственным журналистом, увидевшим фестиваль добрыми глазами. Остальные рассыпались зобудобительной критикой. Особенно досталось опять-таки Галичу, обвинённому в издевательствах над героями войны.

— Забавно, но, насколько я слышала, вы научили Галича петь стоя?

— На первом выступлении ему вынесли стул. Он сел. Подвинули микрофон. Потом, за кулисами, я спросил: «Почему?» Ответил: «Стоя не умею». Пообещал — научу. Потом достал где-то шуток длиной метра полтора, привязал его к грифу и, с другой стороны, к пюпитру. Галич надел, пожаловался, что неудобно. Я подсказал, чтоб пропустил верёвку под правую руку. Потом из зала увидел, что он всё сделал по моему рецепту. Загордился.

— Концерт Юрия Кима в Свердловске тоже овевал легендами. Почему вдруг запретили публичное выступление и как догадались собориться на квартире?

— Ким в конце шестидесятых активно занимался правозащитной деятельностью. Вот кислород и перекрыли. На афишах с его улыбающейся физиономией писали: «Концерт отменяется по состоянию здоровья автора». А в Свердловске поначалу ничего, разрешили. Может, не знали, кто такой... Но первому секретарю обкома партии Николаеву позвонили из Москвы. И в партком института спустился «указивчик» — отменить немедленно. А дальше всё как-то спон-

залься негде. И клуб закрылся естественным путём. А вот дружба наша сохранилась на годы, десятилетия. Мы по-прежнему корешимся, и гитара на наших тузовках обязательно присутствует. И песни поются. И, как и раньше, греют наши души. И что характерно — никто из ребят не пропал. Все нынче люди успешные. Все как личности состоялись. Есть свои доценты с кандидатами, профессора и даже членкоры.

— По-вашему, сегодня авторская песня существует?

— Существует. И фестивали проводятся. И конкурсы. Появились новые имена. Тот же Олег Митяев...

— Ну, Митяев, он — из давних.

— Конечно, но всё же это более молодое поколение. Кстати, в разгар разбушевавшейся горбачёвской перестройки, когда сняли запреты и знаменитый Грушинский фестиваль собирал до двухсот тысяч добровольцев, приезжавших со всей страны с рюкзаком и палаткой, интерес к авторской песне слегка угас. Это не сразу сделалось заметно. Ведь количество клубов, напротив, резко возросло. Только в Екатеринбург действовало уже не меньше пяти. И в УПИ снова зашевелились. И новые песни вроде зазвучали, но... В общем, изменились времена. Когда мы создавали свой клуб, песни были полузапрещённые. Авторы бесконечно уважали за гражданское бесстрашие, смелость, мужество. Но едва исчезла социальная основа былой популярности, повысились требования к качеству. К качеству стихов, музыки, исполнения... То есть требования стали настоящие таланты. А талант есть товарищатунный. Его много не бывает. Так что, кроме Митяева, никого и не назову.

— Есть ещё Тимур Шаов.

— Да, он поёт резкие политические тексты. Входит даже в сотню знаменитых авторов. Актёвен. У нас, в Екатеринбурге, был несколько раз. Выступал в Доме офицеров. Я не ходил. Не хочется.

— Но ведь существуют же «Песни нашего века».

— Удачный проект. Лет пятнадцать назад его придумал вроде бы Георгий Васильев из «Ивасей». Сразу подхватили Сергей Никитин, Виктор Берковский и другие знаменитости. Полагаю, хотели сохранить жанр, да и показать, что не бездействовали при Советах, что кое-что из тогда написанного войдёт в историю. Но, видимо, и коммерческая сторона вопроса не ушла из внимания. Потом Берковский умер, Никитин отошёл в сторону, «Иваси» (Васильев и Ивасенко) распались. Зато появилась подтанцовка. Вместо гитары — оркестр. Всё не то. Жизнь изменилась. Эпоха ушла. Ушёл протестный привкус. Жанр есть. Но, скорее, его уже нет.

— Что для вас это время? — По напряжённости, по уровню эмоциональной насыщенности, по ощущению собственной значительности ему не было равных. Никогда.

Булат Окуджава с екатеринбуржцами - поклонниками авторской песни (четвёртая справа - Юлия Брусицицина, автор-исполнитель песен, депутат городской Думы нескольких созывов)

Евгению Горонкову 20 лет. В это время он предпочитал дому. Авторская песня ещё впереди

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФОТОГРАФ

xxx

Авторская песня не есть феномен лишь русской культуры. Примерно в те же годы, что у нас, свои исполнители появились в ГДР и ФРГ, в Италии, Латинской Америке, во Франции, Польше, Чехословакии, Чили, США... Везде их песни содержали критику общества и государства. Капитализм стоял на дворе или социализм, большого значения не имело. Но в соцстрахах в результате цензуры песни стали распространяться полуполегально.

xxx

Сегодня по Москве, прежде всего по Садовому кольцу, ходит экскурсионный «Синий троллейбус», весь разрисованный узнаваемыми портретами авторов-исполнителей своих песен. Впереди, обычно на кондукторском кресле, устраивается человек с гитарой. Маршрут у троллейбуса особенный и пересекается с теми местами, где жили, в крайнем случае бывали, и обязательно творили те, кого боготворят шестидесятники. Услышав современной аппаратурой звук шлейфов стелется по проезжей части. Обычно это происходит ранним субботним утром, и прохожих на улицах не слишком много. Некоторые оборачиваются, машут вслед рукой. Их не так уж мало.

А в кругу друзей та самая, заслуженная, гитара и сейчас хороша

СЕРГЕЙ ОМНИН